

Александр Де Репко

*Графиня помещица
Севака*

Аскольд Де Герсо

Графиня поневоле. Ссылка

«Издательские решения»

Аскольд Де Герсо

Графиня поневоле. Ссылка / Аскольд Де Герсо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967376-3

Графиня Лизавета Апраксина, благодаря провидению ставшая одной из блистательных особ, не успев познать тихой радости семейной жизни, остаётся в Санкт-Петербурге одна. Граф Апраксин отправлен в Сибирь...

ISBN 978-5-44-967376-3

© Аскольд Де Герсо
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	27
Глава 11	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Графиня поневоле. Ссылка

Аскольд Де Герсо

© Аскольд Де Герсо, 2019

ISBN 978-5-4496-7376-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

С того вечера, когда Ефремушка, похитив Лизавету, привёз в Санкт-Петербург, прошло незаметно десять лет. У Лизаветы и Александра Апраксиных по гулким коридорам дворца бегали двое малышей: два мальчугана – восьми и пяти лет от роду. Старшего, внешне во всём схожего с Лизаветой, начиная от незаурядной внешности, и, заканчивая умением держать себя на людях, они назвали Сильвестром, в память о великом русском былинном богатыре. Имея небольшой рост, он отличался широкой костью и весь его вид говорил, что лет через десять он преобразится в самого настоящего витязя, защитника земли русской, защитника убогих и сирых. Волосы золотистые, по раннему возрасту, вились колечками и, невольно посещало чувство, что на нём парик, а не естественные пряди, настолько они очаровывали взгляд.

Глаза его, василькового цвета с неподдельным любопытством наблюдали всё происходящее вокруг, что только оказывалось в пределах его взгляда. И всё ему было интересно, занимательно и этим он порою изводил нянечку до изнеможения. Оба родителя души не чаяли в детях и именно по этой причине, граф нанял зарекомендовавшую себя с лучшей стороны мадемуазель Де Пти. Де Пти помимо одарённости по воспитанию, обладала хорошими манерами и, что не менее важно владела тремя языками с безупречным произношением, сыгравшие значительную роль при её выборе графом Апраксиным.

Когда же нянечка была не в состоянии ответить на его каверзный вопрос, вследствие недостаточности знаний, он подходил к матери и если и здесь не получал необходимую информацию, смело шёл к отцу в кабинет. И удержать его в порыве найти ответ на свой вопрос, казалось, делом бесполезным. Да и сам граф, отложив занятия, проникался вопросами сына. В плане познаний, ему было не занимать упорства и, так продолжалось изо дня в день, всё ему было любопытно.

К пяти годам он научился читать, а в шесть с половиной вполне прилично освоил начала математики, умножая двузначные числа в уме. При этом он бегло разговаривал на французском и, сносно на английском языках. На французском языке он говорил, уподобляясь Версальским дворянам, несколько грассируя.

Подобной одарённости ни сам Апраксин, ни тем более Лизавета не могли упомнить о себе, хотя граф и по сей день в свободное время любил почитать фолианты, благо во дворце имелась великолепная библиотека, которую начал собирать ещё дед Апраксина. Здесь были редкостные экземпляры ещё рукописных книг, подлинники прижизненных изданий классиков.

Младший Апраксин, названный Андреем, в честь святого Андрея Первозванного, на чей день появился он на свет, от каждого из родителей перенял черты и внешности, и характера. Если старший был настойчивым в достижении своих поставленных целей, младший через какое-то время, забыв обо всём, что недавно только заботило его разум, носился с игрушками. Особое же пристрастие испытывал ко всякого рода клинкам и мечам.

Дети, даже будучи родными братьями, порою настолько разительно отличаются друг от друга, что вполне могут ставить сомнения в родстве. И, если старший в его возрасте читал, Андрей не испытывал к этому тяги, а когда же брал книжицу, то с единственным желанием рассматривать картинки. И здесь уже его нельзя было оторвать от любимого занятия, он даже

мог заснуть с раскрытой книжкой на руках. Но вот чего в них не наблюдалось, ни одного из них не тянуло к музыкальным инструментам, хотя восприятие прекрасного было развито достаточно высоко.

Всякое было за это время: великосветские балы, в целом представляющие из себя некоторое праздничное целое, подчиненное движению от строгой формы торжественного балета к разнообразным видам хореографической игры, где часто дамы и кавалеры обменивались недвусмысленными взглядами, обещающими многое, если не всё; выезды на черноморское побережье, да и за пределы родного отечества, жаловаться Лизавете было не на что.

Свет, несмотря на невысокое происхождение новоявленной графини, воспринял её более чем радушно. Может быть, тому службу сослужило положение графа, а возможно, что и природная красота Лизаветы, не очень-то нуждавшаяся в искусственном прихорашивании. Её тонкие черты и очаровательность, аристократизм и естественное жизнелюбие также имели место быть при этом.

А любопытство, с которым она проникалась ко всему новому, как и мечтательность, что лучилась в глазах, мимо которых не обратив взор свой, не удостоив вниманием едва ли могли пройти кавалеры. При всём показном блеске аристократической верхушки, которую боготворили, к которой стремились, выкладывая последние деньги, она не заметила того, что, витая в атмосфере дворцовых залов, придаёт им таинственный ореол. Единственное, что она разглядела, так лишь фальшивую учтивость, сквозившую не только в обворожительной улыбке дам, прячущей за ней клыки и коготки, но и сопровождающих их кавалеров.

Они расточали высокопарные комплименты, прикладывались к ручкам дам, но что происходило под личиной этого блеска, едва ли кто-то придавал значение. Все эти приторные любезности, что расточали молодые повесы, едва ли могли иметь что-то общего с тем, о чём они думали или измышляли в действительности.

Может статься, даже маски были изобретены именно с этой целью: дабы собеседник не увидел фальшь эмоций. Лизавета, после первых же балов, потеряла какой-либо интерес к этому лицедейству и вполне возможно не переступила порог ни одной залы, если не положение супруга – графа Апраксина.

Она не могла взять в голову, что так привлекает Иринку в этом мире, где самые что ни на есть привычные стекляшки, подвергнутые небольшой обработке для некоторого сходства, выдают за подлинный бриллиант. Но ценителя настоящего этим не проведёшь: и блеск нечистый, и слишком уж настойчиво навязывают. И не в этом ли была причина того, что граф предпочёл никому не известную купеческую дочь, дочерям – наследницам громких имён и несметных богатств? Но за всем этим зримым, скрывалось порою слишком уж много тёмных пятен, что едва ли могло привлечь Александра Апраксина. А было дело, что уж скрывать, предлагали невест, сватали.

Лизавета, пусть и провинциалка, но тятенька её – Вахруша Бахметьев, человек передовых взглядов, выписал дочери гувернантку из самой столицы, благодаря чему дочь и в письме преуспела, и в счёте. Да и в языке французском неплохо освоилась, читала классиков в оригинале. Но от чего был в полном восторге граф, так виртуозной игрой Лизаветы на рояле, её тонкие и длинные пальцы, словно бабочки в яркий солнечный полдень, порхали над клавишами, извлекая чудное звучание.

Апраксина, занятия Лизаветы на рояле, приводили в такое состояние неземного блаженства, едва ли подвластного перу. Да и сама она страстно любила музицировать, ради чего граф устраивал у себя во дворце музыкальные вечера, где слушатели делились мнениями, обсуждали новости в музыкально-театральной среде и в эти вечера, Лизавета, казалось, вся сияла изнутри. Премьеры, что обсуждали гости, на которых ей не довелось побывать, вызывали бурю эмоций. У неё разгорались глаза, от волнения на лице проступал румянец, как после лёгкого морозца.

Что до нарядов, так разве в них всё дело, истинное золото и под грязью блестит. Лизавета была настоящая, пусть она не говорит заученными приторно-слащавыми оборотами, этому недолго научиться, а вот замысловатым фразам, витиеватым – это от Бога. А поговорки, что порою, она вплетала в свою речь, загадки загадывала, сам Апраксин терялся в тщетной попытке найти отгадку.

Граф также не находил ничего привлекательного в них, что часто устраивались для продвижения по службе, для устройства дочерей с выгодой, по сему особенно приглашали молодых людей из знатных, именитых семей. Ну не было настоящего веселья в этом нарочитом фарсе напомаженных и наряженных дам и кавалеров. Но деловая необходимость, да и простая вежливость требовали соблюдения этикета.

Отвергни он приглашение очередного приближённого к трону, назавтра можешь оказаться в полной опале, что самый бедный баронет не пожелает протянуть руку для пожатия. Оказавшись в этом притягательном для большинства мире, Лизавета вынесла для себя единственное мнение: этот рай, что благие намерения, коими вымощена дорога в ад, призрачный мираж над бездной, не имеющий ничего общего с реальным миром.

Глава 2

Больше всего Лизавету заботила её семья, чему она посвящала всё свободное время. Устоявшаяся в обществе тенденция, пришедшая из Европы, что женщина должна заниматься карьерой, её нисколько не занимала. В этом, возможно, сказывалось её провинциальное происхождение, где люди продолжали жить традиционным укладом жизни: мужчина считался главой семьи, а женщина оберегала быт. Предмет, коему она предпочла отдаться целиком, назывался семья, исконно русская семья, как она представлялась ей по примеру родителей, других семей.

Все рассуждения в обществе о правах мужчин и женщин ею воспринимались с лёгкой усмешкой, поскольку её тятенька с маменькой, никогда не заговаривавшие об этом, жили при этом в полном мире и согласии. И Лизавете думалось, что эти вопросы мучают только праздных людей, что привыкли получать от жизни одни удовольствия, видящие в семье только получение плотских наслаждений, но не желающие отдавать ничего взамен и по этой самой причине её удивляли разговоры о долгах того или иного господина, превышающие их доходы. Её тятенька, Вахруша Бахметьев, при наличии уже небольших долгов не находил себе места, а господа же, будто и не обращают на то внимания.

В столице начались празднества Рождества и повсюду горели костры на улицах, жители города облачившись в маскарадные костюмы, где основным трендом были русские народные костюмы и костюмы, изображающие героев русских народных сказок, весело и с русской щедростью поздравляли друг друга. Отовсюду слышалось пение, громкий смех. В аристократической среде ежедневно и еженощно проводили балы, куда в отличие от остального времени года не требовалось приглашений.

Именно в этот период, как нельзя кстати, пришла из Европы мода на театрализованность повседневного бытия, прочно укоренившаяся на русской почве в среде дворянства. В этом, как уже было сказано ранее, Апраксин тоже несколько обогнал современников, поскольку его сыновья с раннего детства изучали языки, что до системы «приличного жеста», граф и без новомодного увлечения умело пользовался этим языком и ничего нового в этом для себя не увидел.

Показная жизнь, когда аристократы, в попытке продемонстрировать своё величие брали на себя непосильные долговые обязательства, также была противна его натуре. Но ему и не требовалось сие, поскольку с умом вложенные средства приносили достаточно денег, чтобы ни в чём себе не отказывать.

Единственное, чего не было в его дворце, крепостного театра, хотя постановки иногда ставили приглашённые актёры. Да и Апраксину более по душе были музыкальные вечера, ничем не уступающие тем же спектаклям своим уводом из мира условностей, из мира, где люди разделены на сословные принадлежности; мир в котором присутствовали подлинные чувства и искренность.

Но благодаря именно данному течению, пришедшему из Европы, в России набирает силу и развитие театральное искусство, в том же городке, откуда происходила Лизавета силами меценатов был открыт первый уездный театр. Самой идеей создания театра Бахметьева увлёк Апраксин в одну из своих поездок вместе с Лизаветой.

Купец поначалу скептически отнёсся к идее, как и ко всему новому относились в провинции, но единодушие графа и дочери Лизаветы, да и сам поразмыслив, нашёл мысль весьма и весьма передовой потому, как в городке помимо торговых рядов да лавок с лабазами и посмотреть то особо не на что. Ну ко всем перечисленным можно было добавить несколько церквей, собор на центральной площади.

Глава 3

Человеку, кроме хлеба и материального достатка, требуется ещё и моральное удовлетворение, в чём в городке было упущение. Развлекательных заведений, почитай, и нет. И на очередном собрании купцов он озвучил предложение Апраксина, принятое если не в едином порыве, но достаточно скоро. Сему факту они разумеется были обязаны тем, что идея исходила из столичного человека, к которым в провинции принято прислушиваться.

В создании театра непосредственное участие принимали купцы, коих в городке было большинство, среди которых особенно выделялся Вахруша Бахметьев и человек со стороны граф Апраксин. Их стараниями было положено начало созданию театра. Актёров Апраксин выкупил у одного из помещиков силу возраста, потерявшему интерес к подобным развлечениям и крепостные лицедеи коротали время за картами и хозяйственными делами. Движение, обретая всё большую силу, открыло миру искусства талантливых самоучек, что доселе обитали в домашних труппах состоятельных господ-помещиков.

Для просвещения же Бахметьева и театралов, Апраксин отсылал им, начавшие издаваться в Санкт-Петербурге первый журнал на театральную тематику – «Драматический вестник» и схожие с ним издания. Также Александр отсылал пьесы, написанные столичными авторами. Не оказывай он им поддержку, театр в самом начале своего развития мог вполне зачахнуть. Любому детищу, делающему первые шаги нужна поддержка, в этом и заключались основные темы упомянутых журналов.

Только не всё слепо перенятое из чужой культуры, подходит для родных стен. Театрализованность, предполагающая ношение масок, за которым трудно угадать истинное лицо, позволяло многие шалости. Но об этом несколько позже.

Но именно из-за этого порой происходили пренеприятнейшие истории. Люди, аристократы ведь такие же люди, коих среди остальных отличает наличие титула и только лишь, напились до той степени, когда уже не способны были самостоятельно передвигаться и по этой простой причине, засыпали прямо за столами, доставляя хозяевам немало хлопот.

Кто искренне веселился празднику так, то: дети и молодёжь. Они уже с утра облепляли снежные и ледяные горки и с звонкими криками скатывались с горок, на катках, что заливали нарочито или на льду замёрзших прудов проводила время армия поклонников коньков. И повсюду слышалось: горячие пирожки! Чай горячий! Блины и оладьи, пряники и баранки! То выкрикивали бабы, решившие немного да заработать за время увеселений. Юные горожане с раннего утра и до позднего вечера не покидали улицу.

В забегаловках и трактирах также было не протолкнуться, каждый норовил выпить с товарищем ли, с товаркой за ради праздника. Здесь можно было встретить состоятельных держателей акций, что не смогли пробиться в аристократы и справляли праздник вместе с мещанами. В ресторациях, коих имелось достаточно, гремела музыка, но здесь публика была степенная: праздновали аристократы, не пожелавшие допустить всех и вся к себе.

Тягенька Лизаветы Вахруша Бахметьев благодаря содействию графа, смог подняться до купца первой гильдии и открыть свой торговый дом, предлагающий самому взыскательному

покупателю товары отменного качества: тут и товары для каждодневного употребления, и для торжественных случаев. Всего достаточно.

Но даже с открытием дома, Бахметьев не спешил расставаться с родным городом, по сему для ведения дел в торговом доме, он поставил управляющего, рекомендованного Апраксиным, как человека с кристально-чистой совестью, сам же только навещался периодически, при этом не было ни единого случая, чтобы по приезду в Санкт-Петербург Бахметьев не погостил у зятя своего и дочери Лизаветы, в коей души не чаял. Управляющий с первого же месяца доказал свои способности, принеся весомый барыш.

В любом государстве, где есть чиновный люд, всегда можно найти человека падкого на подарки или же просто деньги – шуршащие банкноты, столь привлекательные для таких, чтобы проявить себя. Здесь главное не ошибиться: к кому обращаться и сколько должно предложить, дабы не обидеть человека и да не возгордился. Ибо и первое, и второе чревато неприятными последствиями: как для дающего, так и принимающего.

Глава 4

Но именно из-за этого мира, резко разделяющего мир аристократии и низших слоёв, произошло то, чего менее всего ожидали. Апраксин, как человек деятельный, живо интересовался передовыми идеями, а тут, как назло, в моду вошли социалисты-народовольцы. Эти идеи пришли из Франции, где произошла революция и поскольку не всем дано было знать в подробностях, как и многие другие, обрывочные сведения дополнялись слухами, домыслами.

Что ещё может увлечь мещанина или человека думающего, как не идеи социальной справедливости? Упор же в слухах делался именно на это, как наиболее привлекательный для масс. Они с таким жаром, подносили свои красивые лозунги, чаще всего правильные, что граф невольно заинтересовался этим. Ему также претило, что многим представителям аристократических кругов, более к лицу трудиться в поте лица где-либо на пашне, дабы понять жизнь и её самоценность, нежели занимать высокое место и проводить время в праздных увеселениях.

Но вся суть в том, что не Апраксин решает эти вопросы, а придворная клика, именуемая канцеляриями, готовая по одному знаку облобызать подошвы коронованной особы. И вот на этой волне он познакомился и близко сошёлся с одним из социалистов, Саввой Игнатычем Зиневичем. Личность нового типа, также сформированная веянием европейских взглядов, имеющая некоторое сходство с воронами. Личность, что пожелала, минуя переходные этапы, резко взлететь на вершину, что ничуть не противоречит человеческой амбициозности, но на этом пути столько препятствий, что не каждому удаётся застолбить свою нишу.

Зиневич непременно желал оставить о себе след в анналах истории, считая себя незаурядной личностью, оставаясь при этом самым заурядным честолюбивым авантюристом, имеющим за плечами не законченное образование, чьё время осталось в минувшем столетии. Да и тогда едва ли что-то мог предложить сей господин, более всего занятый собой, своей персоной.

Тогда, как другие шли в военные, дабы прославиться, выделившись в каком-либо военном столкновении, подобные Зиневичу предпочитали разжигать в обществе ненависть между классами. Причём в то же время сама императрица выражала недовольство крепостным правом, но как урегулировать сей щекотливый вопрос, не ущемив интересов помещиков, не имела ни малейшего представления. И в этом заключалась слабость Зиневича, о чём, он разумеется, предпочитал умалчивать до подходящего случая.

Глава 5

Сие знакомство с самого начала не приглянулось Лизавете, но разве можно убедить взрослого человека? Особенно, если принять во внимание велеречивость сего господина, что за словом в карман не лез. И подобным образом он сумел завоевать не только симпатию Александра Апраксина, но и стать близким другом семьи.

Нередко, даже без предварительного предупреждения, он являлся во дворец, к Апраксину. Надо сказать, в Санкт-Петербурге в музыкальных салонах, где собирался цвет нации, зазвучала пьеса-багатель Бетховена «К Элизе». Не отстал от веяния музыкальных предпочтений и Александр, приобретший ноты у одного из акционеров компании, часто выезжающего по делам за пределы родного Отечества. Сам Александр, в отличие от большинства представителей дворянских родов, отдавая дань моде выезжавших на европейские воды, где кутили и просаживали значительные суммы, чего он никак не мог понять, отдых от городской суеты предпочитал проводить в имении, чему не видел альтернативы.

Что до Лизаветы, радости её не было предела потому, как имеющиеся произведения она могла исполнять с закрытыми глазами и ей непременно хотелось разучить что-то новое. И пьеса-багатель появилась во дворце вовремя. Кто играл на музыкальных инструментах знает, что, разучив досконально принципы игры, и, освоившись, хочется чего-то нового, ещё не известного. И вот именно к этому моменту появились во дворце ноты пьесы-багатель.

К услугам Лизаветы в парадной гостиной, где чаще всего и собирались, стоял роскошный рояль. Во многих благородных домах, где кто-то из домочадцев музицировал, стояли клавикорды, уступающие роялю по многим позициям. Раньше на рояле музицировала графиня, но после её смерти он словно онемел. И только дворцовая прислуга, по устоявшейся традиции, ежедневно протирала крышку, даже если на ней не было и намёка на пыль.

Вот на этом рояле и музицировала Лизавета, а ныне следя за нотными знаками, разучивала пьесу. А было время, когда Лизавета играла музыку на клавикорде, значительно уступающей по окраске, по тональности. При каждом удобном случае она снимала с этажерки из красного дерева листы с нотами пьесы, лежащих поверх других листов, испещрённых мазурками, вальсами и других музыкальных произведений. Да только все эти вещи она знала наизусть или, выразиться точнее, перед её глазами кто-то невидимый держал эти листы, пока она играла.

Её тонкие и длинные пальцы порхали над клавишами словно бабочки над цветком в летний полдень. Апраксин, хоть и имел такие же тонкие пальцы, но музицировать у него не получалось при всём желании и приложенном усердии.

Вечерами, когда приходил Зиневич, Апраксин после недолгих обсуждений в кабинете, просил Лизавету сыграть для них что-нибудь не притязательное, не требующее присутствия вдохновения. «Не всем, похоже, дано умение так блистательно играть», – сокрушался в такие моменты Апраксин, в чём всецело соглашался Зиневич, большой поклонник игры Лизаветы.

Она же, в свою очередь, едва коснётся кончиками пальцев клавиш, забывает обо всём на свете, отдаваясь царству мелодии. В атмосфере благоденствия, когда нет надобности заботиться о чём-либо, если одни предавались пустому времяпрепровождению, другие стреми-

лись к совершенству. И таким образом, Лизавета в скором времени разучила пьесу и играла с чистого листа.

В одно из посещений Зиневича, Апраксин попросил Лизавету сыграть для гостя пьесу. Превозмогая свою антипатию к Савве Игнатьичу, она присела за рояль. Не Александр ли учил её, что в этом обществе чаще принято изображать хорошую мину при плохой игре, не демонстрируя истинного лица?

Пальцы легко и непринуждённо коснулись клавиш, заставив зазвучать инструмент, что высился в центре залы чёрной громадиной. И уже не обращая внимания на присутствие Зиневича, она предалась игре. Вначале музыка звучала тихо, словно пробуждающаяся после зимнего сна природа, когда снег становится темнее, а небо напротив день ото дня всё светлее и с каждым прожитым днём становясь длиннее. Вот уже с крыш зазвенела капель и побежали ручьи, своим журчанием подгоняя весну. На некоторое время игра приняла ровное звучание и пальцы Лизаветы лениво перебирали клавиши, чтобы спустя минуту вновь обрести ускорение.

Но не столько игра Лизаветы привлекала Зиневича, сколько она сама своей статью, благородными чертами и всем присущим ей аристократизмом. Зиневич смотрел на Лизавету такими глазами, что казалось, в своём сознании он давно уже сорвал с неё одежды и, возможно, даже успел коснуться её нежной кожи. Александр многократно ловил влюблённый взгляд Зиневича на своей супруге, пожиравшего её похотливым взглядом и только уверенность в Лизавете, что не позволяла никаких вольностей кому бы то ни было, сдерживало его, чтобы прекратить всё это. Разве мы запрещаем любоваться кому-либо своим произведением, правда до известного момента, пока кто-то из зрителей не начнёт распускать руки.

У каждого слушателя, кому довелось хотя бы раз в жизни слушать эту пьесу-багатель, в воображении неизменно возникает своя ассоциация, связанная с чем-нибудь, происходившим в его или её жизни. Оно не зависит от желания, поскольку возникает непрочно, помимо нашего желания. Для кого-то это залитый солнечным светом луг, с неприметным родником поблизости, что бьётся у подножия горы, а над всем этим великолепием кружатся в воздушном танце бабочки, изредка лишь присаживаясь на тот или иной цветок. А небо чистое, синее-синее, без единого даже намёка на облачко.

Случаются такие дни в летнюю пору, когда всё вокруг словно в первозданном виде. Соловьи выводят свои трели, кукушки кукуют в сени деревьев. И всё вокруг дышит негой и умиротворённостью. Для другого же морское побережье, когда море лениво катит свои волны на берег, чтобы уже через минуту вновь принять в свои объятия. Сколько людей – столько же и мнений, и все будут правы в одном: при звучании пьесы «К Элизе», трудно оставаться равнодушным, лишённым всякого воображения.

Савва Игнатьич переглянувшись с Александром, не устоял, чтобы не заметить:

– Как она божественно играет! Мне ещё не доводилось видеть такое исполнение.

– Согласен с Вами, игра неподражаема...

– Александр, можно полюбопытствовать?

– Разумеется...

– Можно узнать, что за произведение она исполняет? – спросил зачарованный Савва Игнатьич.

– «К Элизе», пьеса-багатель гениального композитора Бетховена. А Вы разве не знали? – в свою очередь удивился Апраксин. В столице, в аристократических кругах, где основной порделался на новинках музыкального мира, только и было разговоров, что о пьесе и, следовательно, не могло не удивить графа.

– К сожалению, в последние дни, всё свободное время занимает работа над брошюрами, что получил не так давно, возможно из-за этого и произошло упущение, – поспешил оправдаться Зиневич. Признаться, что он не такой уж и знаток музыки, как и пристрастий великосветских кругов, ему не хватило смелости. Да и не музыка его интересовала, а возможность Апраксина каким-либо образом финансировать тайное движение, что и было поручено ему.

Среди знати немало находилось меценатов, что выделяли деньги, не заботясь на что они тратятся. В ярких красках подносимые речи подкупали сражённых старческим маразмом богачей. Но Апраксин, поглощённый игрой Лизаветы, пропустил мимо своего слуха последние слова гостя, да и тот, видя отсутствие интереса к своей персоне, не стал продолжать разговор и присоединился к обществу графа.

Лизавета тем временем погружённая в игру, нисколько не заботилась окружающим. В это мгновение для неё была только музыка, чёрно-белые клавиши, что извлекали звуки при малейшем касании. Свет, отражаясь от волос, сеточки убранной мелким жемчугом и бриллиантами, создавал вокруг её головы нимб, словно у святой мадонны.

Александр испытывал чувство восхищения своей супругой и благодарил небеса за столь чудесный подарок. Но сейчас, оба господина, сохраняя полное молчание, наслаждались упоительной мелодией. Подобное отношение к музыке с полной отдачей присуще часто профессиональным музыкантам и народу, что живёт на Апеннинском полуострове, на карте подходящем больше на женский сапог на высоком каблуке.

Итальянцы, едва услышат музыку, как тут же вдохновляются ритмами и совсем неважно, происходит сие на улице или в закрытом помещении. Настолько они легки на подъём в этом плане, что при завершении музыки, в недоумении способны переглядываться друг с другом: а что это было? Что за наваждение? Виной тому жаркий климат или близость моря, никто не может сказать с точностью, сходясь в единодушии в одном: музыкальный народ.

Глава 6

И в таком неспешном темпе шла жизнь, пока однажды на одном из светских вечеров, куда была приглашена чета Апраксиных, не произошло следующее. Хозяйка салона, не утруждая себя выбором гостей, пригласила тех, кто первым пришёл ей на ум, в таких случаях неприятностей никогда не избежать. Так и произошло и в этот вечер. Граф, отлучившись от супруги, сидел в окружении господ в курительной комнате и собирался покинуть общество, когда барон Дагмар, походя поинтересовался у барышень, оказавшихся неподалёку от Лизаветы:

– О-о-о, в нашем обществе новенькая цыпочка. . . , – вызвав лёгкий смех у дамочек, не отягощённых условностями. К его язвительным колкостям в обществе привыкли, и немногие обращали на то внимание. Пошутить-то пошутил, но не удосужился поинтересоваться последствиями своей шутки, возомнив себя баловнем судьбы.

– Барон Дагмар, а Вы, сами-то, давно ли стали вхожи в общество? Да и то через постель графини Збарской, иначе так бы и прозябали в мещанской среде, – осадил его Александр, уловив последние слова барона.

– Да как Вы смеете говорить такие слова, оскорбляя честь благородной дамы, как и мою честь? – вспылил раскрасневшийся Дагмар.

– Честь благородной дамы? Или всё же вашу честь? – позвольте полюбопытствовать поддел его Апраксин. И не давая Дагмару опомниться, продолжил допытываться: – Разве вам знакомо само понятие честь?

Дамы, как и господа притихли привлечённые разговором на повышенных тонах Апраксина и Дагмара. Независимо от статуса человека, его всегда привлекают подобные инциденты, будь то в торговых рядах среди кумушек, собирающий зевак или, как нынче в великосветском салоне. Как бы ни желал граф Александр, обойтись без скандала, избежать последнего не удалось. Дагмар извлёк из нагрудного кармана камзола платочек и протёр испарину, выступившую на лбу.

Коль уж речь коснулась графини Збарской, дамы сохранявшей ещё свои хорошенькие формы, что при образе её жизни было непросто делать, возможно не раз эта дама будет упомянута на страницах романа, надо сказать, что через шелка и перины её альков немало самовлюблённых и амбициозных выскочек стали обладателями дворянских титулов. Не утруждая себя разборчивостью в связях, весомое значение имела толщина кошелька и щедрость господина, как и физические способности, графиня изменяла супругу в его отсутствие. Последний же, по делам службы вынужден был подолгу отсутствовать рядом с супругой.

Ну и как бывает в подобных случаях, а в упомянутый период истории, подобное считалось в порядке вещей и едва ли могло удивлять кого-либо, многие дамы имели постоянных любовников, но делали это с таким умением и тактичностью, что назвать их неприличными эпитетами, не повернулся бы язык. Благодаря неумению отдельных гостей хранить молчание, отдельные факты из происходившего на этих вечерах становились достоянием общества, вещи неизбежные, когда в том или ином деле замешаны более двух партнёров, но от чего открещивалась любвеобильная графиня, готовая поклясться на чём угодно, устраивая пиршества, в отдельных случаях переходящие в оргии.

В эти вечера празднество продолжалось до самого утра, когда уставшие гости, начинали расходиться по своим уютным гнёздам, предвкушая следующего раза и с нетерпением ожидая. Кто-то пользовался этим ради удовлетворения похоти, кто-то же, подобные Дагмару, в своих низменных и корыстных целях. В любом случае ни первые, ни вторые не оставались внакладе. Об этих пиршествах писались посвящения поэтами, на них читались поэмы с ненормативной лексикой, ещё больше разжигая любовный пыл гостей. Эти пиршества немногим уступали празднествам знати Древнего Рима в своей вседозволенности.

Но сей факт ничуть не омрачал графиню Збарскую, посвящённую в святая святых многих аристократических домов Санкт-Петербурга, кои покровительствовали ей. И на любые колкости, она только усмехалась в ответ: – вы такие же порочные, кого сдерживают условности, в то время, как я пользуюсь всеми дарами, ниспосланными нам Всевышним.

Дамам, словно их самих уличили в чём-то постыдном, отчего они краснели, что пудра и белила иногда не способны были скрывать краску негодования, оставалось одно, пройти, как можно скорее, дабы не запятнать свою репутацию, находясь в её обществе.

И вот и на этом вечере всплыло её имя. Возможно, Апраксин и не стал бы упоминать имя дамы, если бы не хамство Дагмара. Сей господин многим досадил в высшем обществе Санкт-Петербурга, но слава сильного и меткого бретёра сдерживала мужей от желания вызвать на дуэль. Сколько в этих словах было правду, а сколько досужие вымыслы никто никогда, наверняка, не поинтересовался, довольствуясь преподнесённой информацией, как иной раз мы верим на словах о той или иной истории, чему сами не были свидетелями.

– Я... я... – барон начал заикаться от дерзости графа, ведь только что дамское общество чуть не рукоплескало его островам, не лишённым пошлости и показному изяществу в манерах, – я вызываю вас на дуэль.

Всё это время, Апраксин молча наблюдал за его неловкими потугами как-то да выбраться из неловкой ситуации и вот, наконец она разрядилась. Барон, прижатый к стенке, прямым вызовом Апраксина с одной стороны и неотступным наблюдением дамочек с другой, не столько из желания, сколько вынужден был бросить вызов, дабы не быть опозоренным. И сей момент не был упущен Апраксиным: Дагмар типичный пустозвон, – кому создали образ, который приукрашивали, поддерживали, – предстал тем, кем он и был на самом деле. И, уверовавший в придуманный образ, одного он не учёл: того, что Апраксин смело примет его вызов, лишив тем самым дорог к отступлению.

– Время и место, барон Дагмар, – спокойно ни единым жестом, не выдавая своего состояния, ответил на выпад граф.

Барон Селины, редко упускавший возможность поприсутствовать в женском обществе, большой поклонник женских прелестей, в числе других приглашённых, оказавшийся невольным свидетелем их диалога, попросил позже подойти Апраксина, на что тот кивнул головой утвердительно.

Противники: Апраксин, словно ничего и не произошло и Дагмар, весь сошедший с лица, отошли в сторону обсудить детали предстоящей дуэли. Супруга Апраксина, оттеснённая дамами в глубь залы, осталась в полном неведении о произошедшем инциденте между её

супругом и бароном, нанёсшим ей оскорбление. Граф и Дагмар условились драться на пистолетах на чёрной речке на следующий день пополудни. Дагмар, как лицо оскорблённое, обещал прислать секунданта поутру для дальнейших условий, с чем Апраксин великодушно согласился.

Не только на пистолетах, но и на шпагах граф мог дать фору многим бретёрам. Школа фехтования, где преподавали известные мастера, неоднократно доказывавшие своё умение в реальных схватках, раскрыла ему достаточно знаний, чтобы не трусить перед противником, будь он в своей категории или значительно превышающий его. То, что Дагмар представляет из себя подлинного бретёра, Апраксин несколько сомневался. Его убеждённости в собственной правоте подтвердилась после беседы с бароном, он подошёл к Селины.

– Александр, я всецело на вашей стороне. Но не опрометчиво ли поступили вы, соглашаясь на дуэль? – задал едва ли не первым вопросом Селины, подбив сигару и прикуривая от свечи, которую снял с жирандоля, уже находясь в комнате, где можно было поговорить, не опасаясь быть подслушанным. Сизый дым на мгновение скрыл его лицо от Александра.

– А в чём дело? Разве не он оскорбил мою супругу? И не моя ли обязанность, как мужчины и как дворянина, защищать честь супруги?

– Вы правы, это ваше право, и я всецело на вашей стороне, и никто не собирается отнимать их у вас. Дело в том, что барон Дагмар является профессиональным бретёром, как о нём говорят. Дуэлянт. Надеюсь, вы понимаете о чём я веду речь?

– Разумеется, господин барон. Но ведь и я не лицеист.

– Не лицеист, в этом вынужденно, да соглашусь, только одно дело спарринг, когда вы уговорились, с соперником, что опасных ран нанесено не будет и другое реальная схватка, когда вы наносите удар друг другу, не утруждая себя думами о последствиях.

– Мы договорились на пистолетах, – подчеркнул Апраксин, как если бы сей факт что-то менял в деле. Вид блаженства, что демонстрировал барон, подтолкнул и его тоже прикурить сигару.

– Дай то Бог, чтобы вам выпал жребий стрелять первым, – только и смог произнести барон.

– Премного благодарю вас, господин барон за содержательную беседу. Прошу прощения, но я вынужден откланяться. Честь имею, – Апраксин удалился, ничуть не заботясь о завтрашнем дне. Да и что можно изменить думами, если во многих случаях решает право первого выстрела? Да и в его жизни это не первая дуэль. Но тогда они сражались на шпагах и условием было до первой серьёзной крови. И в схватке на шпагах, ты всегда можешь отвести острие клинка, пулю же не отведёшь. Но и в этой ситуации не проще ли отдать всё на волю Провидения?

Глава 7

Весь вопрос теперь состоял в выборе секунданта: кого же выбрать? Но и здесь, после недолгого размышления, он написал короткую записку, объясняющую суть просьбы и попросил Ефремушку доставить по адресу, что тот выполнил с немалым удовольствием.

Виконт Штафф без лишних слов согласился выступить секундантом на стороне Апраксина, о чём и известил в ответной записке. Утром, едва зимнее солнце начало пригревать, от барона явился посетитель. Александр, уже успевший привести себя в порядок после сна, принял его у себя в кабинете.

– Слушаю. У вас какие-то поручения? Или быть может, барон отказывается от дуэли? В таком случае он должен, – Апраксин сделал ударение на последнем слове, – публично принести извинения.

– Ваше Сиятельство, принимая во внимание разногласия, приведшие к предстоящей дуэли, оскорбления были озвучены с обеих сторон, – начал было секундант, а именно он явился к Апраксину, – возможно, правильнее будет примириться, забыв о случившемся, как о неприятном сне?

– Уважаемый. – Граф извлёк сигару из коробки, лежащей на столе, прикурил, и уже затем продолжил: – ваше дело присутствовать на дуэли, но никоим образом не приказывать, что мне делать. Вы уполномочены всего лишь секундантом. Всё ясно?

– Да. Я сожалею, – ответил то, опустив понуро голову. – Вот письмо от барона, где он предлагал вышеупомянутое мною.

– Излишне. Передайте на словах барону, что ничего не изменилось. В случае же, если он опоздает хоть на пять минут, право первого выстрела переходит на сторону противника. Вы свободны. Честь имею.

Александр звоном колокольчика вызвал Ефремушку и поручил ему проводить посетителя.

– Слушаю-с, Ваше Сиятельство.

Выходя из кабинета, он встретился в дверях с Лизаветой, направлявшейся к нему в кабинет.

– Дорогой, что это за господин был только что?

– Тот, что вышел? Да самый типичный коммивояжер, предлагал ознакомиться с их товарами. Как там дети? – увёл разговор в другую сторону Александр, не желая посвящать супругу в дело с предстоящими событиями. К чему напрасные слёзы? То, что они будут, он знал, как и то, что супруга станет отговаривать его от дуэли, как недавно пытался это сделать секундант барона.

– Они ещё не выходили на завтрак. – ответила несколько разочарованно Лизавета. Весь вид Александра говорил об ином, но только не о торговых делах. И всё же допытываться не стала, зная, что Александр, кроме сказанного ничего более не добавит. Да и не принято пытаться у мужа относительно дел. Посчитает необходимым, сам предложит обсудить. Развернувшись, Лизавета направилась на второй этаж, дабы посидеть в зимнем саду в обществе Вареньки. Потому как она поняла, что ответа не дожждётся.

В парадной гостиной появился Ефремушка.

– Вот кстати, тебя мне и надо было. Я уже намеревался за тобой кого-либо из прислуги отправить.

– Слушаю-с, господин граф, – в тон господину отозвался Ефремушка.

– Завтра ближе к полудню направимся к Чёрной речке. И гляди, чтобы я тебя не дожидался.

Ефремушка, зная нрав господина не стал задавать излишних вопросов: сказано, будь готов, значит, так тому и быть. А куда и зачем – хозяину лучше знать.

Что до приготовлений, Апраксину они ни к чему. Он, словно предвидя подобную ситуацию, как-то по случаю приобрёл нагрудник стальной у одного мастерового. Продавец нахваливал свой товар. А завтра он сможет убедиться в действенности приобретения, хотя разумеется, лучше избежать подобного развития событий. Пристреливать-то он пристреливал его, пули отскакивали, но с чем чёрт не шутит...

Глава 8

На следующий же день, Апраксин после обеда закрылся в кабинете и, надев плотную сорочку, пристроил нагрудник, закрепив на ремнях, и лишь затем облачился в привычную сорочку. К его радости. Нагрудник ничем не проявлял себя. Воодушевлённый он натянул на ноги ботфорты, стачанные для зимних прогулок, и только после всего этого, когда оставалось накинуть на плечи шубу, вышел из кабинета.

– Александр, ты куда-то собрался? – живо поинтересовалась Лизавета, что спускалась со второго этажа и столкнулась с ним в парадной зале.

– Да, возникли непредвиденные обстоятельства, требующие моего вмешательства, – не раскрывая истинной цели, ответил Александр супруге. – Это совсем ненадолго, – поспешил он успокоить её, увидев в её глазах замешательство. Лизавета никак не могла привыкнуть к этим внезапным отлучениям супруга, что происходили периодически, но была уверена, что они не таят никакой опасности.

Относительно Зиневича она тоже не один раз предупреждала, быть осторожным в высказываниях, также как пару раз высказал свои сомнения в этом господине Ефремушка, но Александр тогда просто отшутился: – ну, моё Солнышко, нашла тоже из-за чего переполох устраивать. Детские забавы, да и только, на большее они едва ли способны, – он-то наслышан был о бомбистах, что периодически объявлялись в городе.

Однажды довелось оказаться случайным свидетелем, как непредусмотрительный бомбист, не рассчитав силы или что также вероятно: совершив ошибку в сборке бомбы, да и уверенность подвела видимо, лишился руки до самого локтя, попутно легко поранив случайного прохожего.

Ротозеи, обступив парня, стояли не зная, что предпринимать в этой ситуации, но нашёлся Ефремушка, что, не пожалев своей рубахи, распустил на полосы и затянул жгутом выше раны, а после вдвоём, несмотря на протесты парня, отвезли его в лечебницу. Выжил он, нет ли – о том Апраксин не интересовался. Зиневич, по его складу ума, едва ли способен на такой поступок, жёсткости в нём не хватало.

Сейчас ситуация была несколько иная. Уже накинув шубу, Александр увидел у порога Ефремушку.

– Доброго дня, барин. Ваше Сиятельство, я готов, – Ефремушка был в долгополом тулупе, доставшемся от Александра. Поскольку граф был высокого роста, то и тулупы, и шубы будучи на Ефремушке доставали до пола, чем и объяснялось, что он всегда носил долгополые тулупы в зимний период или плащи в дождливую погоду. Укорачивать же полы, ни в какую не желал.

– Похвально, Ефремушка, похвально, – отозвался Александр полушутя, – уже выезжаем.

– Прощку звать, Ваше Сиятельство?

– Нет, сам править будешь.

«Не иначе что-то тайное затеял барин», – только и подумал Ефремушка, выходя на улицу. Карета уже была подана и стояла практически у самого парадного входа. Вскоре вышел граф и, приказав править к Чёрной речке, сел в карету. Ефремушка устроился на козлах и, взяв в руки вожжи, прикрикнул на лошадей: – Н-ну, поехали, родимые!

Глава 9

На место дуэли они примчались за несколько минут до назначенного времени. Но тем не менее, барон Дагмар и его секундант, как и доктор, о котором позаботился барон, уже были здесь. Они, собравшись в круг, о чём-то совещались или что также вполне вероятно, обсуждали детали предстоящей дуэли. Солнце, перешагнувшее зенит, бросало длинные тени на снег, вороны громко каркали, нарушая тишину, и, придавая зловещий оттенок. Апраксин, выйдя из кареты, подошёл к компании Дагмара и поприветствовал по всем правилам.

– Господин Апраксин, вы готовы удовлетвориться, в случае, если Дагмар принесёт свои извинения? – ещё раз обратился к нему секундант барона, пытаясь примирить дуэлянтов.

– Только публичное извинение, – отрезал Апраксин.

– Никогда! Стреляемся, – не давая времени секунданту, выкрикнул Дагмар, ничуть не желая, идти ни на какие уступки. В его взгляде Александр приметил неестественный блеск, чего не было в салоне, когда произошла стычка, но не знакомый воздействием на человека галлюциногенных и психотропных веществ, не придавал значения.

– Я, разве сказал, что отказываюсь? Кто-нибудь из вас слышал нечто схожее? – подшутил над самоуверенностью и надменностью Дагмара граф.

Секундант барона, отведя его в сторону, о чём-то вполголоса объяснял. Изрядное время пошептавшись, они вернулись обратно, барон имел довольный вид, как если бы всё уже свершилось.

Но шутка не произвела должного эффекта, что объяснялось одним: над сим местом уже зависла тень вестницы смерти. Сей знак легко можно было увидеть в глазах собравшихся. Она незримо витала повсюду, от чего не становилась менее ужасающей.

Напротив, хоть её никто не видел, но каждый ощущал каждой клеточкой своего тела, она бросила свою незримую тень на всё окружающее пространство и те же вороны, казались, её посланниками. Все предпринятые попытки оказались напрасны и не увенчались успехом к огорчению и немалой досаде секундантов.

– В таком случае, выбираем пистолеты и отмеряем расстояние.

Апраксин, прежде чем приступить к самой дуэли, попросил всех присутствующих сохранить в тайне.

Секунданты, соблюдая правила, предложили бросить жребий, определяя право первого выстрела. Но здесь случилась небольшая заминка, поскольку Апраксин не согласился с условиями секундантов, выражая своё пожелание не стремлением на победу, а восстановлением справедливости. И ни одному из присутствующих не удалось переубедить его в обратном. Спутник барона и виконт Штафф, по колено утопая в снегу, начали замерять оговорённые двадцать пять шагов.

Пожелание Александра относительно уступки права первого выстрела Дагмару, немного да приободрило последнего, поскольку его глаза, казались, уже потухшими в ожидании. «Здесь что-то не так», – успел подумать Александр, заметив взгляд соперника, но столь быструю перемену объяснил ситуацией. Апраксин подал шубу Ефремушке и, оставшись в одном камзоле шагнул к отметке, где виконт тщательно утоптал снег на пятачке.

Дагмар, оказавшийся против солнца, долго целился, меняя положение тела, и всё одно оставаясь недовольным, рука его вздрагивала. Он опустил пистолет, но затем вновь поднял и прицелился. Секундант Апраксина сделал замечание барону, но тот лишь отмахнулся. Но замечание, сделанное вовремя, поколебало уверенность барона и всё же сыграло свою роль, и он, повернувшись, выстрелил. Виконта Штаффа объяла непонятная тревога. Он даже упрекнул себя за поспешность, с которой согласился выступить секундантом. «Но, если б не я, он нашёл бы другого», – возразил внутренний голос, противоречить которому не нашлось какого-либо разумного довода.

Апраксин же, уверенный в прочности нагрудника, стоял, не принимая никаких мер, что обычно используют дуэлянты, как то: не прижимал к груди пистолет, защищая сердце от попадания пули. Нарушив бессменное правило любого стрелка, он изначально оказался в проигрышном положении, о чём возможно и догадывался, но уже не в силах был что-либо изменить, но в его пользу играла позиция: солнце светило в спину. Противник, стоящий напротив также не выражал никаких эмоций, что также не играло на пользу барону.

Наконец раздался выстрел и в воздух взметнулось лёгкое белое облачко порохового дыма. Но...

Граф стоял, как если бы ничего и не произошло. Не было наставленного пистолета, не было выстрела. Страх завладел всем существом барона. Такое же чувство страха, наверное, испытывают овцы, ведомые на бойню. Он даже не делал попыток, каким-либо образом скрыть свой страх. Да и страх, что овладевает разумом, всем существом человека, никоим образом не поддаётся контролю, он превышает сознание, как нельзя избежать дождя, будучи в чистом поле, что грозиться разразиться с минуты на минуту. Если не видно было дрожи, то сие легко объяснить оцепенением, охватившим Дагмара после неудачного выстрела.

Перед его взором проносились картины кутежей, где он блистал, лица дам выступали откуда-то из глубины сознания, слащаво улыбаясь, возникали самые разные картины, возникали словно вспышки света и вновь погружались в темноту, что некогда окружало его и, что грозило навсегда исчезнуть. Злило даже, что течение жизни нисколько не отразится в окружающем мире с его отсутствием, как если бы он ничего не значил. Что он мог значить, он не додумал, увидев нацеленный на него пистолет.

– Ваше Сиятельство, ваш выстрел, – бросил виконт, как если бы стоял на плацу, а солдаты тренируются в стрельбе по мишеням.

– Да, я знаю, – коротко ответил Александр Штаффу. В этот момент, в памяти Александра возникли слова о том, что Дагмар лихой стрелок, но тем не менее, он стоит живой. Чувства злости по отношению к Дагмару также не было, было чувство досады за оскорбление и презрение, как к человеку, который позволил себе дерзость к его супруге, а после и к нему. К тому прибавилась мысль, что буквально минуту назад, барон безо всякого сожаления убил бы его, будь он немного, но смелее и вот это и сыграло главную роль в последующем действии графа.

Апраксин, соблюдая этикет, поднял пистолет и, почти не целясь, выстрелил. В ту же минуту барон упал, как подкошенный. Секунданты вначале восприняли его падение результатом страха, но вот секундант барона, первым подбежавший к барону, обернулся и, глядя на Апраксина, процедил сквозь зубы:

– Убийца! Хладнокровный убийца!

В глазах секунданта сверкала злоба на графа, как если бы Апраксин выстрелил, не соблюдая правила, установленные для дуэлей, а из обычной шалости, от желания хоть чем-то занять себя, что было совсем не так. Будь воля секунданта и заряженный пистолет под рукой, он неминуемо невзирая ни на что разрядил бы его в Александра, но не было пистолетов. И секунданту оставалось всего и только, что скрежетать зубами, исходя злобой на всех и вся. И начхать он хотел на условности, принятые в обществе и на то, что Дагмар сам принял решение, никем не понуждаемый.

К Дагмару уже спешил доктор, проклиная тот миг, когда он согласился присутствовать на этой дуэли, когда он мог в спокойной обстановке отдохнуть или оказать помощь действительно нуждающемуся в его присутствии, чья помощь едва ли могла потребоваться холодеющему барону, когда Александр Апраксин, приняв шубу из рук Ефремушки, приказал ему:

– Поехали

– Ваше Сиятельство, а как же он? – заикнулся Ефремушка, впервые присутствовавший на подобном зрелище.

– Что он? Это уже меня не касается, а тебя, Ефремушка, тем паче. И о том, во дворце никому ни слова. Понял?

– Разумеется понял, Ваше Сиятельство.

А что Ефремушке? Он всего лишь кучер, да управляющий у барина. Барину лучше знать, как поступить в том или ином случае, его же дело выполнять порученное. Вот и вся недолга.

Ефремушка взобрался на облучок и, дождавшись, когда барин крикнет: поехали! дёрнул за вожжи, и, управляя лошадьми, он не переставал думать о глупой гибели барона. «Что стоило ему согласиться? Или всё же он был уверен, что барин промахнётся?» – мысли копошились в голове Ефремушки, хотя ему-то какая нужда, останься барон жив или нет.

И всё же жаль было ему молодого человека, так глупо оборвавшего жизнь в самом расцвете, едва успев вкусить все прелести жизни. Или же на этой земле всё совершается по воле чьей-то незримой длани? Встречный ветер трепал волчью шапку Ефремушки, стремясь сорвать, лез под тулуп, но погружённый в свои думы, он ничего не замечал, кроме дороги...

Глава 10

Как и ожидалось, во дворце об этом инциденте так и осталось тайной сие происшествие, хотя кто может с уверенностью подтвердить это, в кое были посвящены только два человека: граф Апраксин и Ефремушка, неизменный спутник. Что до секунданта Дагмара, он пусть и возненавидел Апраксина, но связанный словом, едва ли осмелился бы где-то рассказать об инциденте.

Лизавета, даже посвящённая в тайны могла изобразить полнейшую неосведомлённость и ни единым жестом не выдать о том, что ей известно немало. Ефремушка в последний год по желанию графа получил права управляющего во дворце, чему был несказанно рад и ему не было никакого дела, коль барин сам приказал держать язык за зубами. И хотя к радости прибавились лишние заботы, его сие ничуть не обременяло.

Нынче он мог и в зимнюю пору ездить в имение, о чём мечталось в детские годы, но вот прокатиться с горы, увы, уже не получится. Не малец он нынче, а вполне взрослый человек и вести себя надобно подобающе. Приедь он на Масленицу, тогда да, можно за компанию со всеми остальными и прокатиться, да только чувства, присущего юнцу, уже не испытать. В детском возрасте любое чувство воспринимается острее, связано оно с тем, что ты мал ростом или чем иным, о том он не догадывался. Как не догадывался и о том, что вскоре многое переменится в жизни во дворце.

В высшем обществе об этом неприятном инциденте почти не говорили, и он совсем скоро исчерпал себя. В столице происходило столько дуэлей и стычек по самому малейшему поводу, что впору издавать «Вестник дуэлянта» или «Бретёры Санкт-Петербурга». И всё это на фоне разного рода бомбистов, социалистов и просто злодеев, готовых оборвать жизнь прохожего за самое ничтожное количество медяков. И посудите сами, представляет небольшой частный случай в этом ворохе событий? Конечно же, ответ однозначно, нет.

Но неприятность надвигалась совсем с иной стороны. В Санкт-Петербурге были арестованы социалисты, в числе которых оказался и Савва Игнатьич. Данный факт предполагал неминуемый обыск у Апраксина, поскольку затрагивались интересы трона. Не одного ли высокоаристократа сослали в Сибирь за покушение на трон?

В 1802 году высочайшим повелением были отменены ссылки в Сибирь, но всё это осталось на бумаге, как и множество иных указов и постановлений, подписанных самой верховной властью. Ссылку в Сибирь стали завуалированно преподносить переселением на освоение восточных территорий, что для ссыльного ничего не меняло, кроме условий содержания. Основанием же тому послужило восстание побег беглого польского конфедерата Беньёвского, что, подговорив каторжан, захватил корабль и сбежал вначале в Китай, а далее достиг и самой Франции.

Каторжан нынче старались ссылать в материковую часть Сибири, в районы Нерчинска, а также в районы Забайкалья. Апраксин привёл в порядок бумаги у себя в кабинете, одновременно освобождаясь от подозрительных листовок и прокламаций, что Зиневич оставил у него в дни посещения. Дабы полностью удостовериться, что Зиневич арестован, граф отправил Ефремушку с пожеланием вызнать всё в деталях.

Через час, вернувшийся Ефремушка подтвердил слухи, добавив, что Зиневич, предположительно содержится в Петропавловской крепости. Во дворце поселилось тревожное чувство ожидания и Александр, если и желал чего-то, то скорейшего разрешения этого напряжения, тяжёлым грузом, давящего на сердце и на само сознание. Как следствием возникла апатия ко всему окружающему.

Глава 11

В одно утро Лизавету разбудили громкие голоса, доносившиеся из кабинета Александра. Встревоженная и обеспокоенная происходящим, не дожидаясь Вареньки, Лизавета накинула дезабилье и сошла на первый этаж. Дверь кабинета была открыта нараспашку, и она увидела в просвете двух неизвестных человек в форме, стоящих в раздумье, и ещё одного, занятого тем, что заглядывал во все уголки.

На полу лежали бумаги, среди которых она заметила и нотные партитуры, многие вещи сдвинуты со своего привычного места. Среди бумаг взгляд Лизаветы выхватил уголок листка с изображением. Рисунка самого не было видно, закрытого другим листом, поэтому она, нагнувшись подобрала его, желая рассмотреть.

Каково же было её удивление, когда она увидела свой портрет, написанный художником в пору юности. Не сама картина, а лишь точная копия с холста, что ни на сколько не меняло значения. Но каким образом он мог оказаться здесь? И когда, в каком году? И почему она до этого утра никогда не видела его? Находишь он среди нот, которые она периодически брала, она давно бы заметила, зная, портрет находился в ином месте.

Ею овладело желание разузнать историю появления рисунка во дворце графа Апраксина. Обратиться же к Александру в эту минуту, она не решилась по одной простой причине: в кабинете графа производился обыск. И тем не менее, Лизавета заметила, что Александр увидел подобранный ею портрет. Но ни единым жестом не проявил этого.

«Неужто он знаком с художником? Или с её подругой Иринкой?» – на мгновение она отвлеклась от происходящего, погрузившись в далёкое прошлое, в памяти всплыла история написания портрета. Возникшие вопросы требовали ответа, и она с трудом сдерживала себя, чтобы не обратиться к супругу.

Оставалось единственное: дождаться более подходящего момента и уже тогда всё разузнать. Беспорядок вокруг рождал чувство, будто здесь недавно побывал вор, что не представляется возможным, поскольку через дверь находилась каморка Ефремушки. Уж он-то никак бы не допустил подобного.

Граф, также находящийся здесь, не теряя присутствия духа с насмешкой наблюдал за тщетными стараниями последнего. И вот это-то обстоятельство вызвало едва скрываемое раздражение у одного из присутствующих офицеров, как поняла Лизавета по наличию золотых погон на плечах. Он нервно поглядывал на брегет, что то и дело извлекал из кармана и вновь возвращал туда, чтобы уже через несколько мгновений снова вытащить.

И всё же ей не удалось удержаться от того, чтобы не спросить: – Александр, что здесь происходит? Что это за люди? – невозмутимым видом Лизавета обратилась к супругу. Посещение света приучило её разыгрывать чувства, не испытывая при этом ничего. И в настоящую минуту, разбуженная шумом, ещё не совсем отошедшая от сна, она проявила настоящее искусство преображения, как профессиональная актриса. С той разницей, что она не на сцене, а творящийся в кабинете беспорядок не постановка, а самая настоящая реальность. Ей казалось невообразимым, чтобы чужие люди рылись в бумагах супруга.

– Да я и сам не прочь бы узнать причину всей этой комедии, – с улыбкой ответил Александр. Его ещё забавляла вся эта мышьяная возня, поскольку всё, что могло бы скомпрометировать его в глазах жандармерии, он давно уже предусмотрительно уничтожил. И всё, что могло бросить тень на его репутацию состояло в шапочном знакомстве с Зиневицем, да и только.

– Прошу прощения, – с деланным удовольствием, на что чаще всего способны те, кому каким-то образом удалось пробраться повыше, не имея на то способностей и положения, подчёркивая слова, ответил ей офицер. Видимо слова Александра никак не удовлетворили его самолюбие и необходимо было подчеркнуть всю значимость его деятельности, – ознакомьтесь с сей бумагой, – и протянул небольшой лист бумаги Лизавете.

Одного взгляда, брошенного на бумагу, хватило понять, что сей документ – ордер на обыск. Взгляд офицера несколько дольше обычного задержался на Лизавете, наспех одетой. Её волосы, свободно волнами ниспадающие по спине, открытые плечи. Лизавета, почувствовав на себе похотливый взгляд офицера, а после и встретившись с его глазами, она ещё плотнее запахла дезабилье, выразив брезгливость и отвращение к офицеру.

Но одно дело наши выводы и уж точно совсем другое – выводы карательных органов, непосредственное предназначение коих состоит в привлечении к наказанию не столько преступных элементов, сколько тех, кто позволяет себе инакомыслие по отношению к власти. И последнее больше способствует продвижению по службе, нежели первое, так уж исторически сложилось в этих органах.

– Господин граф, Вы подозреваетесь в связях с политически неблагонадёжными персонажами, если не сказать с типами, угрожающими законной власти, – вставил своё слово один из офицеров, не желающий согласиться с высказанными Апраксиным словами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.